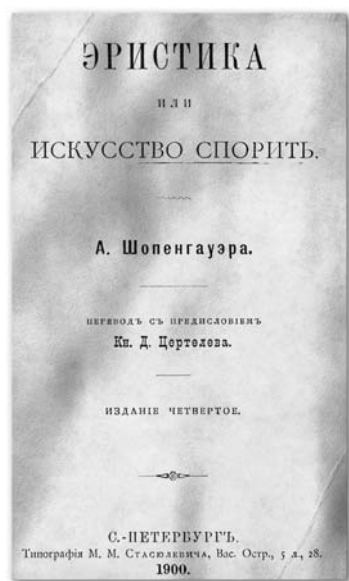

ПРИЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Как бы ни был очевиден обман, он замечается не сразу, так как люди слишком крепко охвачены заблуждением. Только постепенно сами они выводят правильное заключение, потому что основание познания, также как и всякое основание, необходимо влечет за собою свое последствие и истина выходит наружу. (Так поступал Кант). Такими тропинками должна идти истина в этом мире».

Этой фразой из малоизвестного манускрипта Артура Шопенгауэра «Эристика, или Искусство спорить», не издававшегося в России с начала прошлого века, редакция открывает новую рубрику «Приемы политической борьбы», в которой будут публиковаться забытые или малоизвестные работы из этой области политической действительности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Часто случается слышать мнение о совершенной бесполезности споров, что не мешает обыкновенно даже сторонникам этого мнения вступать в горячие споры хотя бы относительно самой этой бесполезности. Не спорят только тогда, когда не встречаются противоречия или не интересуются данным вопросом.

Если бы в споре всегда выяснялась истина и победа оставалась за правым, спор был бы нравственною обязанностью каждого добросовестного человека. В действительности это не так, и победа далеко не всегда обуславливается правотою защищаемого мнения; большею частью первую роль играет искусство и знание защитника. Но если нельзя всегда сказать в этом смысле: *du choc des opinions jaillit la vérité*¹, и в большинстве случаев, кто бы ни был прав, каждый остается при своем мнении, это не должно мешать нам признать несомненную пользу споров, веденных серьезно и добросовестно, пользу, состоящую в том, что спорящие неизбежно должны шире и разностороннее относиться к предмету, так что нередко открываются перед ними такие стороны вопроса, которые ускользнули бы от них, если бы каждый ограничился одиноким изучением вопроса.

Но для того, чтобы спор мог иметь положительное значение, необходимо, чтобы он велся сколько-нибудь правильно, с соблюдением основных логических требований, а не переходил в голословные утверждения и голословные отрицания, сопровождаемые нападками на личность противника; в последнем случае спор окажется не только бесплодным, но вредной тратой времени, возбуждающей лишь мелкие страсти спорящих.

Какое громадное значение имели логика и диалектика² в древнем мире, можно видеть из диалогов Платона и логических исследований Аристотеля.

Едва ли не еще большее значение получает изучение логики в течение средних веков, но здесь оно направляется почти исключительно на внешнюю, формальную сторону мышления. Скованная внешней формой, лишенная самостоятельного содержания, средневековая схоластика³ теряется в подробностях, не имеющих интереса для людей, стоящих вне ее заколдованного круга.

Отсюда понятна реакция против нее в новой философии, заставляющая Декарта выбросить за борт, как бесполезные, логические формулы, незыблемые со времен Аристотеля, чтобы заменить их несколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже Лейбниц жалуется на то, что пренебрежение к формальной логике идет слишком далеко и указывает на то, что многие споры не оставались бы столь бесплодными, если бы только противники дали себе труд обратить их в формальные аргументы.

Несмотря на это, логика как систематическое мышление и аргументация все более вытесняется так называемой «логикой фактов», которая гораздо доступнее и привлекательнее, так как почти всегда состоит лишь в более или менее искусном подборе фактов, из которых каждый выводит затем, что

² Диалектика (от греч. *Dialektike*) – первоначально этим термином («*Dialektike techne*» – «искусство диалектики») обозначалось искусство диалога и спора: 1) способность вести спор посредством вопросов и ответов; 2) искусство классификации понятий, разделение вещей на роды и виды. (Философский словарь.)

³ Схоластика – 1) общее название средневековой религиозно-идеалистической философии феодального общества; отличалась абстрактными и беспредметными рассуждениями и бесплодными логическими ухищрениями; 2) бесплодное умствование; формальное знание, оторванное от жизни и практики, начетничество. (Словарь иностранных слов.)

¹ В споре рождается истина (франц.).
(Здесь и далее – примечания редакции)

Артур Шопенгауэр

ЭРИСТИКА, или Искусство спорить

ему вздумается; а так как это же самое и с таким же правом может сделать его противник, то спор и сводится на такую почву, где доказать ничего невозможно и где каждый, если не может рассчитывать на победу, по крайней мере совершенно застрахован от поражения.

Только в одной сфере современной жизни сохранилось еще требование более или менее строгой логической формы, а именно – в суде. В сущности, каждый процесс есть *силлогизм*, в котором одна посылка дана законом, а другая должна содержаться в обстоятельствах дела. Задача суда – найти средний термин, который обуславливает необходимость заключения, т. е. приговора или решения.

К сожалению, условия и цель судебного красноречия вообще и в современном процессе в особенности превращают обыкновенно диалектику, необходимую для освещения истины, в *софистику*⁴, преследующую совершенно посторонние цели.

Но если отвлеченные диалектические тонкости, занимавшие древних греков, потеряли, по-видимому, всякий интерес в глазах современного общества – оно не перестает, однако, то и дело бессознательно пользоваться ими в спорах. Вот почему «Эристика» Шопенгауэра, представляющая в сжатой и относительно доступной форме некоторые из диалектических приемов, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, как сочинение посмертное⁵, она не вполне отделана, содержит в себе некоторые повторения и вообще не носит характера той художественной законченности, которыми отличаются другие труды Шопенгауэра. Но, как справедливо замечает Фрауэнштедт, «Эристика» имеет значение в том отношении, что она открывает сторону человеческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играет, однако, немаловажную роль в духовном взаимодействии людей и которую надо знать, чтобы защищаться против нее. Всем тем, кого их призвание или общественное положение приводит в столкновение со стремлением людей казаться правыми во что бы то ни стало (*Rechthaberei*)⁶, полезно будет узнать те стереотипные хитрости и уловки, которыми пользуется это стремление, и средства для отражения их.

Манускрипт «Эристики», напечатанной впервые Фрауэнштедтом вскоре после смерти Шопенгауэра вместе с некоторыми другими статьями (*Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass. Leipzig, Brockhaus, 1864*⁷), по мнению издателя, относится к 1820 г. Позднее, когда Шопенгауэр вздумал пересмотреть эту работу, он уже не нашел нужного настроения, чтобы довести ее до конца.

Князь Д. Цертелев

⁴ Софистика – сознательное применение в споре или в доказательствах неправильных доводов, так называемых софизмов, т. е. всякого рода уловок, замаскированных внешней, формальной правильностью. (Философский словарь.)

⁵ Имеется в виду «сочинение, опубликованное посмертно».

⁶ уверенность в собственной правоте (нем.).

⁷ Из рукописного наследия Артура Шопенгауэра, Лейпциг, Брокгауз, 1864 (нем.).

Логика и диалектика употреблялись уже древними как синонимы, хотя *λογίζεσθαι* *обдумывать, обсуждать, рассчитывать* и *διαλέγεσθαι* *разговаривать* – вещи весьма различные.

Это употребление слов *логика* и *диалектика* как синонимов сохранилось и в течение средних веков и дошло до нашего времени. Однако в новые времена некоторые, особенно Кант, часто употребляли слово *диалектика* в дурном смысле, как «софистическое искусство спора», и потому предпочитали название *логика* как более невинное. Но оба, в сущности, означают одно и то же, и в последние годы их опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что *диалектика* и *логика* издревле употреблялись как синонимы, и потому я не вполне свободен и не могу разделить, как хотелось бы, их значения и определить *логику* как «науку о законах мышления, т. е. способах действия разума» (от *λογίζεσθαι* – *обсуждать, обдумывать, рассчитывать*, происходящего в свою очередь от *λογος* – *разум* или *слово*, понятий, неразрывно связанных) и *диалектику* (употребляя это слово в современном смысле) как «искусство спорить или беседовать» (от *διαλέγεσθαι*). Но каждая беседа состоит в сообщении фактов или мнений, т. е. бывает историческою, или же представляет собой обсуждение чего-либо. Таким образом, очевидно, что логика имеет предмет, данный вполне, а priori⁸, безо всякой эмпирической примеси – законы мышления, способ действия разума – законы, которым разум следует, предоставленный самому себе, когда ему ничто не мешает, следовательно, при одиноком мышлении разумного существа, которое ничем не вводится в заблуждение. Диалектика, напротив того, рассматривала бы совместную деятельность двух разумных существ, которые думают вместе, а отсюда непременно следует *спор*, т. е. духовная борьба, если только они не согласны между собою, как выверенные часы. Как чистый разум, оба индивидуума должны бы быть согласны; их разногласие зависит от различий, присущих индивидуальности, а потому есть элемент эмпирический.

Логику, науку мышления, т. е. деятельности чистого разума, можно бы построить вполне а priori; диалектику же большею частью – только а posteriori⁹, из опытного познания тех изменений, которые претерпевает чистое мышление вследствие различия индивидуальностей при совместном мышлении двух разумных существ, а также

⁸ априорно, т. е. исходя из изначальных представлений (лат.).

⁹ апостериорно, т. е. исходя из чувственного опыта (лат.).

тех средств, которыми каждый из них пользуется, чтобы выставить свое индивидуальное мышление как чистое и объективное. Это потому, что человеку свойственно при совместном мышлении *διαλέγεσθαι*; т. е. как только он, при обмене мнениями (за исключением разговоров исторических), узнает, что мысли другого отличны от его собственных о том же предмете, он сначала не проверяет собственного мышления, чтобы найти в нем ошибку, а предполагает ее в мышлении другого, т. е. человек по природе своей хочет всегда быть правым; тому же, что вытекает из этого свойства, учит отрасль науки, которую я хотел бы назвать диалектикой, но которую, во избежание недоразумений, назову *эристической диалектикой*. Она, таким образом, есть учение о стремлении человека всегда казаться правым. «Эристика» была бы только более жестким названием того же предмета.

Эристическая диалектика есть искусство спорить, и спорить так, чтобы всегда оставаться правым, следовательно, *per fas et nefas*¹⁰. В существе дела объективно можно быть правым и все-таки в глазах присутствующих, а иногда и в своих собственных, остаться неправым: это бывает тогда, когда противник опровергает мое доказательство и это опровержение сходит за опровержение спорного положения, в пользу которого могут, однако, существовать другие доказательства; в таких случаях положение противника, разумеется, обратное: он оказывается правым, будучи объективно не прав. Итак, объективная *истина* спорного положения и *сила* его в глазах спорящих и слушающих – вещи различные; эристическая диалектика зиждется на последней.

Если бы не было зла в человеческой природе, если бы мы были вполне честны при всяком разноречии, мы стремились бы только к тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о том, окажется ли она на стороне мнения, выставленного первоначально нами самими или же нашим противником. Это было бы безразлично для нас или, по крайней мере, имело бы совершенно второстепенное значение. Теперь, наоборот, это главное. Врожденное тщеславие особенно чувствительно относительно всего, что касается сил рассудка, и не хочет допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждал противник, – верно.

Ввиду этого каждому следовало бы только не судить иначе как правильно, а для этого – сначала думать, а потом говорить. Но к врожденному тщеславию у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовестность. Они говорят, не подумавши, и хотя бы потом и заметили, что утверждение их ложно и что они неправы, – они хотят, чтобы казалось наоборот. Интерес к истине, который в большинстве случаев был единственным мотивом при выставлении положения, казавшегося истинным,

совершенно уступает место интересу тщеславия: истинное должно казаться ложным, а ложное – истинным.

Однако даже эта недобросовестность, упорное отстаивание положения, которое нам самим уже кажется ложным, имеет некоторое оправдание. А именно: в начале спора мы нередко бываем глубоко убеждены в истине нашего утверждения, но аргумент противника, по-видимому, совершенно опрокидывает его; если мы сразу откажемся от нашего утверждения, нам часто случается убедиться позднее, что мы все-таки были правы: доказательство наше было ошибочно, но для того же утверждения могло быть другое, более верное доказательство, спасающий аргумент не пришел нам в голову сразу. Таким образом в нас складывается правило спорить против возражений, хотя бы они казались нам правильными и убедительными, в той уверенности, что самая правильность их есть только кажущаяся и что в течение спора мы нападём еще на такой довод, который опровергнет ее, или на такой, который как-нибудь иначе установит истину нашего положения; благодаря этому мы если не вынуждены к некоторой недобросовестности в споре, то, по крайней мере, легко соблазняемся ею. Так взаимно поддерживают друг друга слабость нашего суждения и извращенность нашей воли. Отсюда происходит то, что спорящий обыкновенно сражается не за истину, а за свое положение как *pro ara et focus*¹¹, и ведет дело *per fas et nefas* и, как сказано, не легко может действовать иначе.

Итак, обыкновенно каждый пожелает провести свое утверждение, даже тогда, когда оно ему в данную минуту кажется ошибочным или сомнительным; Макиавелли советует государю пользоваться каждою минутою слабости своего соседа, чтобы напасть на него, так как в противном случае сосед может воспользоваться минутою его слабости. Если бы господствовали верность и искренность, было бы другое дело, но ввиду того, что на них нельзя рассчитывать, и самому нельзя руководствоваться ими, так как за них бывает плохая расплата; то же самое и со спором: пусть я признаю противника правым, как только он будет, по-видимому, прав, он едва ли сделает то же в обратном случае, а напротив, будет вести дело *per nefas*¹²: значит, и я должен делать то же.

Легко сказать, что надо стремиться только к истине, безо всякого пристрастия к своему положению; но нельзя предполагать, чтоб и другой сделал то же, а потому нельзя этого сделать самому. К тому же, если бы я захотел отказаться от моего положения, которое я, однако, прежде обдумал, как только мне показалось, что противник мой прав, то легко может случиться, что, введенный в ошибку впечатлением минуты, я откажусь от истины для

¹⁰ правдами и неправдами (лат.).

¹¹ за алтарь и домашние очаги (лат.).

¹² неправдами (лат.).

того, чтобы принять заблуждение.

Вспомогательные средства для проведения своего положения каждому дает в некоторой мере его собственная ловкость и негодность (*Schlechtigkeit*¹³). Этому научает ежедневный опыт, так что каждый имеет свою натуральную диалектику, так же как он имеет свою натуральную логику. Только первая далеко не так надежна, как вторая. Редко мыслят и заключают вопреки логическим законам; ошибочные суждения часты, ошибочные заключения чрезвычайно редки; поэтому в человеке редко проявляется недостаток в естественной логике, но ему часто не хватает естественной диалектики; это дар природы, неравномерно распределенный (в этом отношении диалектика похожа на силу суждения, которая распределена весьма неравно, тогда как разум, собственно говоря, распределен равномерно); часто случается, что кажущаяся аргументация сбивает и опровергает в существе правых, и наоборот: тот, кто выходит из спора победителем, обязан этим не столько правильности суждения при постановке положения, сколько искусству и ловкости, с которыми он защищал их. Врожденное здесь, как и везде, наилучшее. Однако упражнение и размышление над теми приемами, которые опровергают противника или которыми он пользуется для победы, может много помочь достижению мастерства в этом искусстве. Поэтому, хотя логика и не может иметь никакой чисто практической пользы, диалектика, конечно, иметь ее может. Мне кажется, что и Аристотель свою логику в собственном смысле (аналитику) выставил главным образом как основание и подготовку к диалектике, а последняя была для него главным. Логика занимается одной формой положений, диалектика же – содержанием, или материей; поэтому рассмотрение формы как общего должно было предшествовать рассмотрению содержания, или частного.

Аристотель определяет цель диалектики не так резко, как я; правда, он указывает на спор как на главную ее цель, но в то же время цель эту видит и в отыскании истины (Тор.1, 2). Затем он говорит: «следует рассматривать положения философски, согласно их истине, и диалектически, согласно видимости или одобрению и мнению других (δοξα)». (Тор.1, 12). Он, правда, сознает различие и независимость объективной истины положения от проведения его или получения одобрения, но недостаточно резко различает их, чтобы диалектике приписать исключительно последнее назначение.

Вот почему к его правилам, относящимся к последней, нередко примешиваются такие, которые имеют в виду первую. Поэтому мне кажется, что он не вполне разрешил свою задачу, стараясь в книге *De elenchis sophisticis*¹⁴

различить диалектику от софистики и эристики, причем различие должно состоять в том, что диалектические заключения верны по форме и по содержанию, а эристические или софистические – нет. (Последние различаются между собой только относительно цели: в эристических цель эта определяется одним желанием остаться правым, в софистических – стремлением добиться этим путем почета или денег). Истинны ли положения по содержанию – это всегда слишком недостоверно, чтобы можно было заимствовать отсюда основание для различия их; менее всего уверены могут быть в этом сами спорящие, и даже результат спора может дать об этом только сомнительное заключение. Поэтому под диалектикой Аристотеля мы должны разуметь также софистику, эристику и пиратику¹⁵ и определить ее как искусство оставаться правым в спорах. Конечно, главное пособие к тому состоит в том, чтобы быть действительно правым, но одного этого для людей еще недостаточно, а с другой стороны, при слабости их рассудка это не безусловно необходимо. Итак, нужны еще некоторые другие, искусственные приемы, которые, будучи независимы от объективной правды, могут употребляться и при объективной неправоте, о действительном существовании которой почти никогда нельзя судить с полной достоверностью.

Итак, мое мнение состоит в том, что логика и диалектика должны быть разграничены резче, чем это сделано Аристотелем, и логике предоставлена объективная истина, поскольку она формальна, а диалектика ограничена одержанием победы в спорах, причем софистику и эристику не надо отделять от нее, как это делает Аристотель, так как различие это основано на объективной материальной истине, относительно которой мы не можем быть заранее вполне уверены, а должны сказать с Понтием Пилатом: «что есть истина?», так как: *veritas est in puteo*¹⁶, *ἔν βύθφ ἡ ἀλήθεια* (изречение Демокрита, *Diog. Laert. IX, 72*). Нередко после оживленного спора каждый уходит домой, унося мнения противника – они поменялись. Легко сказать, что в спорах не должно иметь в виду ничего, кроме выяснения истины; но дело в том, что еще неизвестно, где она: аргументы противника и свои собственные вводят в заблуждение. Впрочем: *re intellecta, in verbis simus faciles*¹⁷; так как диалектика вообще признается обыкновенно равнозначущей с логикой, то мы, как уже сказано, назовем свою дисциплину «*Dialectica eristica*, Эристическая диалектика».

Продолжение в следующем номере.

¹³ порочность (нем.).

¹⁴ О доказательствах софистов (лат.).

¹⁵ Пиратика (от греч. *peirastike (tehne)*) – «опытный» раздел диалектики, посвященный попыткам высказываний и их проверке.

¹⁶ истина – в глубинах (лат.).

¹⁷ когда дело понятно, будем легки в словах (лат.).